

Арагорн старался скрыть тревогу, пробираясь по коридорам Ривенделла к кабинету лорда Элронда. Лишь полчаса назад он уложил Элиона в постель. Хотя раны ребенка заживали, Арагорн только начинал понимать глубину эмоциональных шрамов, которые носил в себе мальчик. Реакция Элиона на Гэндальфово неспешное исследование его магии говорила о многом: о том, как относились к его дару люди, среди которых он вырос. Но больше всего Арагорна тревожила информация, которой поделился Элион. Ребенку было восемнадцать лет. С одной стороны, цифра не казалась шокирующей – наличие магии указывало на то, что он не был простым ребенком, а Гэндальф, разумеется, не старел по меркам людей. С другой стороны... Элиону было пять лет, но очевидно, что его морили голодом и жестоко обращались. Не стоило думать, что он выглядел моложе своих лет, а если ему физически должно было быть шесть, то он старел с той же скоростью, что и дети дунэдайн, что вызывало еще больше вопросов. И вот последнее откровение, вонзившееся кинжалом в сердце Арагорна: — Как мне играть? — спросил Элион. Как мог ребенок восемнадцати лет не знать, как играть? Арагорн пытался скрыть от мальчика свою печаль, терпеливо обучая его простым играм. Он был вознагражден звонким детским смехом, Элион немного расслабился рядом с ним, но это не давало Арагорну покоя. Он начал складывать картину жизни ребенка до того, как нашел его. Становилось ясно, что не все его раны были получены в период похищения. Некоторые из них были гораздо глубже и тянулись еще дольше. Арагорн был уверен, что в жизни ребенка было мало доброты и ласки. Он знал, что даже если они узнают, откуда он родом, он не позволит вернуть его туда, даже если его прежние воспитатели еще живы. Он чувствовал, что эльфы разделяют его мнение. Весь Ривенделл был разбужен кошмарами Элиона предыдущей ночью. История о том, как его нашли, и о его травмах быстро распространилась. Дети были так дороги эльфам, будь то эльф или человек, их берегли и лелеяли. Мысль о том, что с ребенком обошлись так жестоко, разрывала сердце каждого эльфа. Арагорн знал, что если бы Элион не сказал им, что те, кто причинил ему боль, мертвы, а его дом разрушен, эльфы уже искали бы виновных и вершили правосудие. Лишь знание о доброте, которой эльфы одарят любого ребенка, и непосредственный опыт этой заботы в детстве убедили его, что Элион будет здесь в безопасности, когда ему придется уйти. Угроза Саурона возросла, и тьма стала нависать над землями. Фродо проснулся в тот же день. Хотя он уже оправился от раны, полученной от Короля-колдуна, Арагорн знал, что обнаружение Кольца и странствия Назгула означали приход войны в Средиземье. На нем лежал долг перед Средиземьем – исправить зло, которое совершил его предок, даже если это потребует его жизни. Он боялся этого долга, боялся слабости, которая была в его крови, и боялся последствий, если он потерпит неудачу. Но он все равно выполнит свой долг. Он отправлялся на войну, а война – не место для ребенка, каким бы даром он ни обладал. Элион будет в безопасности в Ривенделле, защищенный и укрытый от войны и боли, как и должно было быть всю его жизнь. Это знание успокаивало его, что будет правильным решением оставить Элиона здесь, когда он поедет на войну. Он знал ребенка совсем недолго, но в нем уже быстро росло чувство яростной защищенности. Элион был таким хрупким, обиженным и испуганным. Он видел это каждый раз, когда мальчик отшатывался от незнакомца, и смятение в его глазах всякий раз, когда он проявлял к ребенку ласку. Он слышал это в его кошмарах и видел это в зеленых глазах, которые видели слишком много для своего лица. Но, несмотря на все это, в Элионе была чистота и дух, пережившие все ужасы, которые он пережил. Это было легко заметить. Это давало ему надежду на то, что, несмотря на постоянно растущую тьму, в Средиземье все еще есть свет, и этот свет не должен быть подавлен тьмой. Арагорн добрался до кабинета Элронда и вошел в него. Его уже ждали Гэндальф и два эльфа. — Ребенок спит? — спросил Арагорн. Он кивнул, но "пока" повисло в воздухе, так как все они вспомнили крики ребенка в кошмарах. — Элион владеет магией, — резко прервал разговор Гэндальф. Внимание всех присутствующих переключилось на него. Волшебник поднялся на ноги и начал беспокойно расхаживать. — Но он не Истар. Хотя его силы похожи, и он получил отклик от моего посоха, он не нуждается в нем, чтобы получить доступ к своей магии, хотя он улучшил ее, и он стареет и рождается. Я бы сказал, что в нем

течет эльфийская кровь, но хотя эльфы обладают даром предвидения и другими способностями, магия в форме, подобной моей, – это не то, чем вы владеете. Гэндальф перестал вышагивать и повернулся к ним лицом, его лицо было серьезным. — Однако, — сказал он серьезным голосом, — хотя его магия отличается от моей, она сильна. Реакция, которой он добился от моего посоха, сфокусированного не на нем самом, и когда он уже израсходовал большую часть своей магической энергии, превзошла все мои ожидания, а он не контролировал ее. Я попросил его исполнить те фрагменты, которые я попросил его исполнить без фокуса, но он не контролировал то, что он направил через мой посох, даже когда его магия была истощена. — Ребенок лишен фокуса, — вмешался Элронд, и Гэндальф повернулся, возобновив вышагивание. — На данный момент это верно, — согласился он, — однако все можно превратить в фокус, и ребенок мог бы легко это сделать, сам того не зная, и если бы ему это удалось, и его магия была бы в полной силе, то реакция, которую мы видели сегодня, была бы ничтожной по сравнению с тем, что могло бы произойти. Воцарилась мрачная тишина. Все присутствующие вспоминали, как тряслась земля, и размышляли о том, что могло бы произойти, если бы выпущенная магия была сильнее. — Что ты предлагаешь, Гэндальф? — Вопрос Арагорна прозвучал мягко, но в его тоне отчетливо слышалась защитная нотка. — Элион не может оставаться здесь, — сказал Гэндальф, подняв руку, когда Арагорн и эльфы запротестовали. — Его нужно научить скрывать свою магию, контролировать и использовать фокус, прежде чем он обнаружит или создаст свой собственный, а этим навыкам эльфы не могут научить. Я не буду говорить вам о последствиях, если Саурон узнает о силе ребенка. И он обнаружит ее, если Элион останется здесь, ибо магический взрыв в конце концов будет неизбежен, и тогда вся мощь Саурона будет обращена сюда. — Ривенделл не выдержит такого нашествия, — произнес Элронд, голос его был полон тревоги. — Это не крепость, и хотя сила эльдар здесь велика, она не сравнится с ордынской мощью. Гэндальф кивнул, подтверждая его слова. — И именно поэтому Элион не может оставаться здесь надолго. — И что же ты предлагаешь делать с Элион, Гэндальф? — спросил Арагорн, горечь звучала в его голосе. — Война — не место для ребенка. — Я знаю, что нам с Арагорном это не по душе, — ответил Гэндальф, — но его силы таковы, что мы не можем вечно прятать его от Врага. Он — часть этой войны, что бы мы ни делали. Лицо рейнджера было мрачным, но Арагорн не стал спорить. — Я думаю, что для всех будет безопаснее, если Элион поедет со мной, — продолжил Гэндальф, — независимо от того, какой курс изберет Совет. Я могу научить его владеть посохом и мечом. Я — сложный противник для Врага, и я верю, что после обучения Элион сможет стать силой, с которой придется считаться в этой войне.